

Статьи

Россия в перспективе исторической социологии: эвристические перспективы и методологические проблемы

Рекомендация для цитирования:
Дмитриев Т. А., Кильдюшов О. В.
(2024) Россия в перспективе исторической социологии: эвристические перспективы и методологические проблемы. *Социология власти*, 36 (3): 14–34
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-14-34>

For citations:
Dmitriev T. A., Kildyushov O. V.
(2024) Russia in the Perspective of Historical Sociology: Heuristic Perspectives and Methodological Problems. *Sociology of Power*, 36 (3): 14–34
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-14-34>

Поступила в редакцию: 02.08.2024;
прошла рецензирование:
23.09.2024; принята в печать:
01.10.2024
Received: 02.08.2024; Revised:
23.09.2024; Accepted for publication:
01.10.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the authors.

ТИМОФЕЙ А. ДМИТРИЕВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0001-7476-0983

ОЛЕГ В. КИЛЬДЮШОВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0001-9801-1952

Тезисы данной статьи были представлены в одноименном докладе на секции «Прошлое как ресурс понимания настоящего: векторы исторической социологии в России», организованной авторами в рамках XIII Международной Грушинской социологической конференции «Переустройство мира: исследования (в) новой реальности» (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 25 мая 2023 года).

Работа подготовлена в рамках исследовательского проекта «Большое пространство в постглобальную эпоху: империя и мировое общество как социологические феномены и темы дискурсивных формаций» (реализуется в 2024 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ).

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the research project «Large Space in the Post-Global Era: Empire and World Society as Sociological Phenomena and Themes of Discursive Formations» (is implemented in 2024 as part of the HSE Fundamental Research Program).

В статье обсуждается эвристический и методологический потенциал исторической социологии как одной из наиболее динамично развивающихся дисциплин современного социально-научного знания. Утверждается, что данное направление исследований функционально способно взять на себя сегодня роль аналитической философии истории в виде целостной и при этом операциональной рефлексии исторического опыта нашей страны. Указывается на дефицитный характер предшествующих попыток концептуализации отечественного прошлого с точки зрения исторической социологии. Вначале кратко анализируется развитие этой дисциплины на Западе, начиная с классиков мировой социологии. Отмечается качественный и количественный рост там во второй половине 20 века историко-социологических исследований, приведший к значительному расширению объяснительного репертуара макросоциологии. Далее фиксируется амбивалентное положение исторической социологии в России, где, несмотря на наличие устойчивого интереса к ее методологическим подходам и содержательным результатам, до сих пор не произошла полноценная институционализация данной социологической дисциплины. Одновременно делается вывод о существовании в нашей стране серьезной традиции интереса к историко-социологическому синтезу, начиная с классиков историографии и пионеров российской социологии рубежа 19-20 веков. При этом отмечается значительный прогресс со стороны отечественного социально-научного сообщества в рецепции достижений мировой исторической социологии в начале 21 века. В следующем разделе подчеркивается особая актуальность современных историко-социологических подходов к проблематизации прошлого в условиях отечественной эпистемологической ситуации. Выделяется ряд тематических комплексов, наиболее перспективных в рамках современной российской академии. В завершении формулируется ряд рамочных исследовательских и научно-организационных задач, стоящих перед исторической социологией в России.

15

Ключевые слова: историческая социология, междисциплинарные исследования, история России, глобальная история, русская модернизация, множественные модерны

Russia in the Perspective of Historical Sociology: Heuristic Perspectives and Methodological Problems

Timofey A. Dmitriev

National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7476-0983

Oleg V. Kildyushov

National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9801-1952

The article discusses the heuristic and methodological potential of historical sociology as one of the most dynamically developing disciplines of modern social and scientific knowledge. It is argued that this area of research is functionally capable of taking on the role of today's analytical philosophy of history in the form of integrity and, at the same time, the operational reflection of the historical experience of our country. The article points out the deficient nature of previous conceptualizations of the domestic past from the point of view of historical sociology. First, the development of this discipline in the West is briefly analyzed, starting with the classics of world sociology. The qualitative and quantitative growth of historical and sociological research in the second half of the 20th century—which led to a significant expansion of the explanatory repertoire of macrosociology—is highlighted. Next, the ambivalent position of historical sociology in Russia is discussed, where—despite the existing interest in its methodological categories and substantive results—a full-fledged institutionalization of this sociological discipline has not yet occurred. Thus, a conclusion is made about the existence of a serious local tradition of interest in historical-sociological synthesis, starting with the classics of historiography and pioneers of Russian sociology at the turn of the 19th and 20th centuries. At the same time, substantial progress is highlighted on the part of the domestic social-scientific community in the reception of the achievements of world-historical sociology at the beginning of the 21st century. The next section shows the particular relevance of modern historical-sociological approaches to the problematization of the past in the context of the domestic epistemological situation. A number of the most promising thematic complexes in modern Russian academia are highlighted. In conclusion, we highlight issues concerning framework research and scientific organization faced by historical sociology in Russia.

Keywords: : historical sociology, interdisciplinary research, Russian history, global history, Russian modernization, multiple modernities

1. Общие замечания

Несмотря на устойчивый интерес к далекому и недавнему прошлому России, русский исторический опыт, включая катастрофический XX век, во многом остается неудовлетворительно осмысленным с социологической/социально-теоретической точки зрения вообще и недостаточно эксплицированным средствами исторической социологии в частности. В решении данной эвристической проблемы мало чем помогает резко увеличившееся число исследований отдельных кейсов и сюжетов, по-прежнему плохо складывающихся в цельную картину без прямого категориального насилия со стороны самих социальных ученых, часто пытающихся всеми правдами и неправдами уложить гетерогенные исторические феномены и разнонаправленные тенденции развития в рамки различных метанарративов (например, «догоняющее развитие», «запаздывающая модернизация») или же прибегающих к помощи сильных

объясняющих метафор (например, «особый путь», «историческая колея», «историческая ловушка»)¹. Не будет большим преувеличением сказать, что применяемая в данной ситуации методология обобщения отдельных, зачастую произвольно выбранных «прецедентных» случаев с целью экстраполяции их на другие исторические контексты вызывает серьезные сомнения. Не слишком способствуют целостному пониманию и аналитической экспликации опыта отечественного модерна искусственная интернационализация исследовательского дискурса и увлечение сравнительными подходами, как правило, заключающимися в повсеместном поиске институционального трансфера, культурно-семантических заимствований, различных пересечений и влияний². Еще более дискредитированным оказался альтернативный способ интерпретации в виде ложно понятого «цивилизационного подхода», который, как правило, находит свое выражение в объявлении отечественного исторического пути уникальным, самодостаточным и, по сути, не поддающимся социально-научным описаниям и объяснениям. Столь же неэффективным показали себя многочисленные попытки прямого заимствования моделей анализа прошлого, разработанных на материале исторического опыта других стран, причем как Запада (США, Европа), так и Востока (Китай, Япония).

17

Стоит ли говорить, что в прямой зависимости от избранной методологии последователи теории инвариантного развития в рамках глобальной истории человечества повсюду обнаруживают связи, сети и включенности, тогда как сторонники русской самобытности настаивают на существовании в прошлом России устойчивых властных структур и культурных образцов мышления и действия, не поддающихся экспликации путем исторических аналогий или поиска путей трансфера людей, идей и вещей. На фоне этого концептуального хаоса возникает потребность в аналитической метаинстанции для дискурсивно-структурирующей работы с опытом

1 Примером подобных подходов в актуальной отечественной литературе могут служить работы Дмитрия Травина, активно использующего семантику русской отсталости, более уместную для политической публицистики, нежели для серьезного социально-научного анализа. Сами названия последних работ Д. Травина — «Почему Россия отстала?» и «Русская ловушка» — указывают на идеологически мотивированную прагматику такого рода полемических высказываний либерального экономиста образца 1990-х, внешне стилизованных под академические труды в жанре исторической социологии [Травин 2021, 2023].

2 См. крайне редко встречающееся в нашей литературе продуктивное обсуждение проблематики и пределов межкультурного трансфера/адаптации в сборнике «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: [Доронин 2008].

прошлого; на наш взгляд, на ее роль лучше всего подходит историческая социология, интегрирующая все достижения современного социального знания.

2. Состояние предметной области за рубежом

Блестящие образцы исследований в жанре исторической социологии можно найти уже у классиков: например, Макс Вебер, помимо собственно судьбы европейского рационализма, также анализировал путь к модерну в других культурных регионах мира, в том числе в США и России [Вебер 1990, 2007, 2020]¹. Можно назвать и других крупных социологов, совмещавших систематическое изучение обществ Нового времени с историко-типологическим подходом к их прошлому, и среди них — прежде всего Норберта Элиаса [Элиас 2001 (1939)], Йозефа Шумпетера [Шумпетер 1995 (1942)] и Карла Полаanyi [Полаanyi 2018 (1944)]. Однако лишь с пришедшимся на 1970-е гг. кризисом нормативных теорий модернизации, опиравшихся на восходящий к Парсонсу структурный функционализм, можно говорить о настоящем буме исследований в области исторической социологии на Западе [Штомпка 1996; Knöbl 2001]. Его предвестником обычно считают фундаментальную критику теоретической парадигмы модернизации у Баррингтона Мура [Мур 2016 (1966)], за которой последовали прорывные сравнительные исследования Чарльза Тилли [Тилли 2019 (1978)] и Теды Скочпол [Скочпол 2017 (1979)]. Следует упомянуть в этом контексте также влиятельные труды Энтони Гидденса [Giddens 1985] и Джона А. Холла [Hall 1985], равно как и известные сочинения Рэндалла Коллинза [Collins 1986], Майкла Манна [Mann 1988] и иных ученых, с большим успехом работающих в области исторической социологии. Из ранних представителей неовеберовской социологии можно выделить также работы Райнхарда Бендикса [Bendix 1974, 1978, 1984].

В 1990–2000-е гг. широкий резонанс в академических кругах получило многотомное исследование Майкла Манна «Источники

1 Пионерский характер работы М. Вебера даже дал некоторым современным исследователям повод утверждать, что «вся историческая социология — это всего лишь сноска к Макс Веберу» [Schützeichel 2009: 277]. Даже если в этом утверждении и содержится известное преувеличение, не подлежит сомнению тот факт, что неовеберовская историческая социология, прежде всего в лице таких авторов, как Штефан Бройер [Breuer 1991; Breuer 1994; Breuer 2006; Breuer 2011], Вильфрид Шпон (1944–2012) [Шпон 2014; Spohn 2008] и Гюнтер Рот (1931–2019) [Roth 1963; Roth, Schluchter 1979], занимает сегодня в дискурсивном пространстве исторической социологии одно из центральных мест.

социальной власти», посвященное теории и истории власти в человеческих обществах. Первый том вышел в 1986 году, заключительный четвертый, сконцентрированный на проблематике современного этапа глобализации, — в 2013-м. В нем он проследил историю мировых цивилизаций и империй от великих цивилизаций древности до современности через призму взаимодействия четырех кластеров социальной власти [Манн 2020 (1986); Манн 2018 (1993); Манн 2018 (2012); Манн 2018 (2013)]. Во вступительной главе первого тома «Источников социальной власти» [Манн 2020 (1986): 28–74] Манн предложил своим читателям теоретическую модель ИЭВП (по-английски — IEMP), которая представляет собой аббревиатуру от первых букв названий четырех источников социальной власти: идеологического, экономического, военного и политического. Отвергая понятие «общества» как унифицированной целостности, характерной для целого ряда направлений социально-теоретических (неомарксизм, структурный функционализм, структурализм, системная теория общества, миросистемный подход), Манн заменяет его теоретической моделью пересекающихся сетей социального взаимодействия, крупнейшими из которых являются сети идеологической, экономической, военной и политической власти в качестве источников социальной власти.

19

В 2010-е годы Манн создал целый ряд интересных работ, посвященных осмыслению трагического опыта «краткого» XX века. Если исследование «Фашисты» [Манн 2019 (2004)] представляет собой сравнительно-социологический анализ шести наиболее влиятельных движений фашистского толка в Европе межвоенного периода (1919–1939), то его работа «Темная сторона демократии» [Манн 2023 (2005)] посвящена истокам и механизмам этнических чисток в современную эпоху. Работает Манн также и в жанре, который немецкие социологи называют «диагнозом эпохи» (Zeitdiagnose)¹. К числу исследований, выполненных в этом ключе, можно отнести такие его работы, как «Непрочная империя» [Манн 2003], посвященную причинам заката имперской гегемонии США в современном мире, и «Власть в XXI веке» [Манн 2014 (2011)], представляющую собой анализ тенденций глобализации и контрглобализации начала XXI века с точки зрения разработанной Манном базовой теоретической модели многомерной власти.

Еще одно динамично развивающееся предметное поле современной исторической социологии представлено исследованиями по теории и истории «множественных модернов». Его зарождение

1 Об особенностях этого социально-научного жанра и его эвристическом потенциале см., в частности: [Junge 2016; Volkmann 2015].

связано с работами Шмуэля Н. Эйзенштадта, который начиная с 1950-х гг. предпринял примечательные попытки скорректировать господствующие теории модернизации посредством изучения опыта восточных имперских образований [Eisenstadt 1963], тематизации исторического значения «осевой эпохи» для развития классических цивилизаций и лежащих в их основе трансцендентных видений человеческой истории [Эйзенштадт 1992] и разработки на этой основе самой идеи «множественных модернов» [Eisenstadt 2000a]. По признанию самого Эйзенштадта, понятие множественных модернов «обозначает определенный взгляд на современный мир, на историю и характеристики современной эпохи, направленный против взглядов, долгое время преобладавших в научном и мировоззренческом дискурсе. Этот взгляд направлен против “классических” теорий модернизации и теорий конвергенции индустриальных обществ, популярных в 1950-е годы, равно как и против классического социологического анализа Маркса, Дюркгейма и в значительной степени Вебера. Все эти концепции основаны на предположении, что культурная программа модерна в том виде, в каком она получила развитие в Европе Нового и Новейшего времени, и базовые институциональные констелляции, возникшие здесь, в конечном счете получают преобладание во всех модернизирующихся и современных обществах» [Eisenstadt 2000b: 1]. Благодаря исследованиям Ш. Эйзенштадта в дискурсивном поле исторической социологии произошел поворот от сравнительного анализа институтов модерна к исследовательской программе сравнительного анализа мировых цивилизаций и империй, трансформировавшейся со временем в исследовательскую программу изучения множественных модернов. Сегодня в рамках парадигмы «множественных модернов» активно работают Йохан Арнасон [Арнасон 2021; Arnason 2002], Вольфганг Кнебль [Knöbl 2001] и многие другие социальные теоретики. В эристической прагматике данного понятия речь пойдет ниже.

Институционально историческая социология на Западе оформлена в виде профессиональных ассоциаций, специализированных исследовательских центров, учебных курсов и тематических журналов, ведущим из которых является выходящий с 1988 года *Journal of Historical Sociology*, который теперь называется *Sociology Lens*. В рамках Международной социологической ассоциации в 2000-е гг. была создана тематическая группа «Историческая и сравнительная социология» (первый председатель — Вильфрид Шпон), в дальнейшем преобразованная в исследовательский комитет «Историческая социология» (RC56 Historical Sociology). В его работе принимали активное участие уже упомянутые Й. Арнасон, В. Кнебль и др.

3. Историческая социология в России

Говоря о предшественниках дисциплины в России, часто называют имена великого историка В. О. Ключевского и ранних социологов М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева и др. Однако профессиональные дореволюционные и советские историки могут быть причислены к ней скорее по общему интересу к «социологической части истории», говоря словами Ключевского, а не по самому предмету и методам исследования.

Подобные поиски истоков исторической социологии получили отражение в отечественной литературе. Это касается как обобщающих работ, так и отдельных исследований. Обзору отношения ведущих русских дореволюционных историков к социологии была посвящена отдельная глава в капитальном исследовании известного русского историка и социолога Н. И. Кареева [Кареев 1996: 183–184], посвященном истории русской социологии XIX–XX вв.¹ Там же можно найти сжатую, но емкую характеристику взглядов русских историков на социологические методы исследования прошлого.

Прочтение работ ведущих отечественных историков XIX — начала XX века (К. Д. Кавелина, А. Д. Градовского, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, П. Н. Миллюкова и др.) через призму исторически ориентированной социологии было предложено в начале 1990-х гг. А. Н. Медушевским [Медушевский 1993], а также Н. В. Романовским в его обобщающей работе по исторической социологии [Романовский 2009: 103–132], причем в последней работе рассматриваются не только дореволюционный, но и советский и постсоветский этапы развития социально-научной мысли в России с точки зрения тех трудов и исследований, которые можно отнести к дискурсивному пространству исторической социологии. В 2015 году было опубликовано учебное пособие М. М. Крома «Введение в историческую компаративистику» [Кром 2015], значительная часть которого посвящена обзору развития исторической социологии на Западе, а также истории и актуальному состоянию сравнительно-исторических и историко-социологических исследований в России. Среди отдельных исследований можно отметить работу А. С. Попова «Истоки исторической социологии В. О. Ключевского» [Попов 2012], в которой автор рассматривает корни российской исторической социологии в работах великого историка, в рамках его подхода к изучению происхождения и раз-

21

1 Данное исследование было написано автором еще в 1920-е гг., но опубликовано только в 1996 г.

вития человеческих обществ. К тому же именно в лекциях Ключевского впервые появился сам термин «историческая социология», по крайней мере в России. Помимо данной работы, следует упомянуть работу А. В. Богданова «Социологические идеи П. Я. Чаадаева и современность» [Богданов 2012], которая также фокусируется на исторических корнях российской исторической социологии, а именно на творчестве П. Я. Чаадаева.

В современной России историческая социология в узком смысле представлена несколькими энтузиастами, пытающимися в индивидуальном порядке популяризировать сравнительно-социологический подход к анализу исторического прошлого. При этом их усилия в основном направлены не столько на оригинальные исследования русского и мирового исторического опыта, сколько на более или менее адекватную рецепцию идей западных коллег. В качестве наиболее известных представителей можно назвать главного научного сотрудника Института социологии РАН Н. В. Романовского, автора опубликованного в 2003 году обзора «Историческая социология в России: ретроспектива и горизонты» [Романовский 2003], а также вышеупомянутой обзорной работы 2009 года по исторической социологии М. В. Масловского (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) и Н. С. Розова (НГУ, Новосибирск). Во многом благодаря их трудам целый ряд базовых сочинений данной традиции уже введен в русскоязычный научный оборот [Арнасон 2021; Голдстоун 2014; Коллинз 2015; Скочпол 2017]. Отдельно следует сказать о некоторых отечественных социальных историках, среди которых особенно выделяются работы Б. Н. Миронова — автора единственного отечественного учебника по исторической социологии: «Историческая социология России» [Миронов 2017], исторических демографах [Вишневский 2010] и даже историософах [Ахиезер 1991], иногда также относимых к данной дисциплине. Одним из редких примеров конкретного исследования, выполненного в жанре историко-социологического исследования, можно считать работу А. Л. Андреева, посвященную модернизации российского образования [Андреев 2011].

Большое значение имела также деятельность профессора Георгия Дерлугьяна (в настоящее время — профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби) по популяризации актуальных идей исторической социологии в российском социально-научном и гуманитарном сообществе. Под его редакцией или с его предисловиями за последние два десятилетия был издан целый ряд переводных классических работ по исторической социологии [Андерсон 2007; Лахман 2010; Манн 2020; Тилли 2009]. Кроме того, ему принадлежит большое исследование, посвященное анализу последнего этапа существования СССР в мир-системной перспективе с использова-

нием актуальных теоретических моделей и методологических подходов исторической социологии [Дерлугьян 2010].

Несмотря на все эти несомненные достижения, приходится признать, что характерной чертой сегодняшнего этапа развития исторической социологии в России является низкий уровень ее институционализации. Об этом свидетельствует прежде всего то, что помимо отдельных авторов-энтузиастов и принадлежащих им публикаций, в нашей стране пока нет ни профильных исследовательских структур, ни специализированных изданий, ни регулярных тематических конференций, посвященных исследованиям в рамках столь перспективной социально-научной дисциплины.

4. Актуальность исторической социологии для русской исследовательской ситуации

Необходимость поиска более операциональных языков и более комплексных методов для социально-научной проблематизации отечественной ситуации связана с принципиальной социологической недоконцептуализированностью русской истории и культуры Нового и Новейшего времени. Мало того что нынешняя ситуация семантической и символической разорванности имперского, советского и постсоветского нарративов выглядит как непреодолимая для традиционных подходов, не опирающихся на ресурс современного социально-теоретического знания (макросоциология, историческая социология, культурная антропология и др.). Потребность в создании соответствующей аналитической метаинстанции напрашивается еще и потому, что по вполне понятным причинам многие рубежные моменты в истории русского, советского и постсоветского опыта российского модерна оказались вне зоны внимания западной исторической макросоциологии или же просто неудачно разработаны ею уже в силу отсутствия прямого доступа к этому опыту даже у самых выдающихся исследователей (М. Манн, Т. Скочпол, Ч. Тилли и др.). При конструировании подобной аналитической метаинстанции необходимо учитывать то отмеченное Петером Вагнером важное обстоятельство, что «преобладающая в том или ином регионе интерпретация модерна всегда оказывается результатом исторического опыта и его интерпретации» [Вагнер 2019: 225]. Не менее проблематичным для национально-ориентированной традиции предстает вызов со стороны бурно развивающейся «глобальной истории». Представляется, что без применения историко-социологического и сравнительно-социологического подходов ко многим структурным проблемам больших обществ невозможно преодолеть провинциальный и узкодисциплинарный уклон при выработке базового словаря описания собственного и чужого опыта. В немалой степени это касается,

например, института господства или общей структуры социального действия в условиях конкретного типа культуры, т.е. современной «агентности» и ее национальной специфики. Не менее амбициозной выглядит задача разработки нормативно-типизирующих моделей социальности для стран, традиционно являющихся референтными для России в плане сравнения траекторий их политического, социально-экономического и культурного развития¹.

В силу многих резонансов методологического и содержательного плана наиболее подходящим эвристическим ресурсом для такого рода научной, образовательной и просветительской работы с «непредсказуемым прошлым» нашей страны и включения его в глобальный контекст является именно историческая социология, ориентированная на классические образцы. В качестве примера здесь опять-таки можно указать на масштабный сравнительно-социологический проект Макса Вебера по исследованию духовных традиций таких разных культурных регионов, как Европа, Китай, Индия и Израиль. При этом веберовская макросоциология не только обладает колоссальным собственным когнитивным потенциалом², но и способна продуктивно интегрировать достижения других аналитических подходов, прежде всего разрабатываемых в рамках концепции множественных модернов.

Если в свое время для Макса Вебера было вполне естественно говорить о себе как о «сыне современного европейского культурного мира» [Weber 2016: 101], то ныне подобные самохарактеристики, сделанные от первого лица и в единственном числе, давно вышли из моды. Хотя понятия «модерн» и «культура» продолжают сегодня активно использоваться в дискурсе социальных и гуманитарных наук, их, как правило, принято употреблять не в единственном, а во множественном числе. По этой причине социологи-теоретики рассуждают теперь о множественной современности или множественных модернах, а историки — о «множественных глобализациях» (*multiple globalisations*) и о «глобальной истории» (*global history*) [Hübinger 2020: 3].

Тема множественных модернов в последние десятилетия недаром властно заявила о себе в социальных науках. Сама кристаллизация данной проблематики служит ярким свидетельством осознания современными учеными и интеллектуалами того, что исторический процесс не имеет какой-то одной, «царской» колеи, но что пути

1 О понятии и значении референтных стран/обществ и их «демонстрационных последствиях» для других стран/обществ в исторической социологии см.: [Bendix 1984: 115 и далее].

2 О парадигме Вебера в современной макросоциологии см.: [Albert 2009].

к модерну могут принимать самые разные, порой довольно причудливые и драматические траектории. Не менее важным для этой исследовательской перспективы — как эвристически, так и политически — является также признание существования различных моделей общества и культуры модерна, сильно отличающихся друг от друга как в содержательном, так и в структурном плане.

Как известно, в XX веке оформились три доминирующих модели модерна: западноевропейская, американская и советская. Несмотря на то что советская версия, будучи модерном без гражданского общества [Козлова 2005], стоит несколько особняком по отношению к западным моделям общества и культуры, ее исторический опыт представляет собой важный, а по целому ряду аспектов — просто бесценный материал для изучения глобальных политических, социальных и культурных трансформаций современной эпохи. Однако полноценное изучение опыта советского модерна на различных этапах его исторической эволюции может быть продуктивным лишь в перспективе сравнительно-исторической социологии, принимающей во внимание как опыт западных версий модерна, так и особенности революционных процессов на Глобальном Юге и Востоке в XX веке. Такое расширение и углубление теоретической перспективы позволяет включить многие события и явления русской, советской и постсоветской истории в глобальный контекст, дающий возможность понять многомерный опыт отечественного модерна как неотъемлемую часть современного мира.

25

5. Базовые задачи, стоящие перед исторической социологией в России

Важнейшая содержательная задача, стоящая перед отечественной исторической социологией, связана с формированием социально-теоретической рамки для макросоциологической экспликации прошлого и настоящего России в сравнительном контексте глобальной истории. Существующий в имплицитном виде запрос на такого рода артикуляцию русского имперского, советского и постсоветского опыта может быть успешно реализован при помощи инструментов современной исторической социологии, использующей познавательные ресурсы политической теории, социальной антропологии и междисциплинарных исследований советского (Soviet Studies). В отличие от сложившихся подходов, в которых традиционно доминируют узкие специалисты в отдельных дисциплинах, при историко-социологическом подходе изучение конкретных кейсов исторического опыта или социального настоящего, и в том числе многих аспектов советской модернизации и ее постсоветских последствий,

помещается в максимально широкую теоретическую перспективу. Расширение эвристической оптики в рамках сравнительной социологии культуры позволяет более комплексно рассматривать такие структурные проблемы, как социальное действие и социальный порядок, политическое господство и групповые лояльности, коллективные общности и персональные идентичности и т.п. Повышенное внимание именно к этим вопросам составляет специфическую особенность данной исследовательской программы, в основе которой лежит стремление соединить микроисторическую и социально-антропологическую аналитику практик повседневности с такими фундаментальными вопросами макросоциологии, как проблема институционального устройства социальных, когнитивных и жизненных порядков, а также влияние символически оформленных и транслируемых при помощи средств коммуникации религиозных, культурных и идеологических ориентаций на индивидуальное и коллективное социальное действие.

26

История России практически на всех ее этапах так или иначе была тесно связана с проблемой создания, приращения и распада, устройства и переустройства больших имперских пространств, поэтому в рамках исторической социологии особое значение приобретает изучение инфраструктуры власти на территории этого то расширяющегося, то сужающегося имперского пространства. Выражаясь словами М. Манна, необходимо понять, «как организации власти покоряют и контролируют географические и социальные пространства» [Манн 2020 (1986): 40] и как в подобных организационных усилиях находит свое выражение способность власти в ее различных измерениях «организовывать и контролировать людей, материалы и территории» [Манн 2020 (1986): 30]. Такая стратегия анализа и толкования требует обращения к более широким международным и геостратегическим контекстам, то есть помещению истории России как «могущественного континентального государства» имперского типа [Семенов-Тянь-Шанский 1915] в более масштабную систему координат, отсылающую к истории мировых порядков, империй и систем государств, их возникновения и крушения, и анализа этих международных, всемирно-исторических и геополитических констелляций с позиций исторической социологии.

Понятно, что за рамочными исследованиями нередко трагического опыта русского модерна и его влияния на судьбы современного мира и нашей собственной страны должны последовать эмпирически-ориентированные работы, посвященные конкретным кейсам и сюжетам. Здесь объектом исследования могут стать как конкретные социальные, экономические, политические и культурные институты, практики, формы жизни и символические

системы легитимации, так и различные виды жизненного опыта, а также языки (само)описания, истолкования и объяснения, в том числе и самих социальных наук, нацеленных на социально-научное познание современного мира. Сюда, в частности, следует отнести такие основополагающие социокультурные феномены, как война и организованное насилие, базовые социальные и культурные практики, в том числе идентитарные, нормативную коллективную идентичность, вопросы телесности в условиях модерна и процессы спортизации, символические репрезентации, кейсы визуальной антропологии и т.д.

При этом было бы целесообразно исходить из того, что соответствующие историко-социологические исследования не станут ограничиваться исключительно познавательным интересом, но вместе с тем будут иметь ярко выраженную просветительскую и даже социально-терапевтическую прагматику. В этом смысле историко-социологические исследования могут отчасти выполнять функции аналитической философии истории и позволяют из новой перспективы оценить, какие аспекты имперского/советского/российского модерна способны стать ресурсом развития в XXI веке, а с какими конкретно-историческими формами этого опыта было бы предпочтительно расстаться.

27

Другими задачами отечественной исторической социологии могут стать:

- анализ предметного поля сравнительно-исторической социологии, с акцентом на критическую адаптацию концепции множественных модернов к русскому опыту;
- составление словаря русского модерна и его сопоставление с нормативными описаниями, сложившимися в референтных для нашего отечества обществах и культурах;
- мониторинг глобального ландшафта русских и советских исследований в перспективе сравнительно-исторической социологии;
- введение — вполне просвещенческое по своей интенции — в российский научный оборот классических и новейших текстов исторической социологии, начиная с фундаментальных работ Макса Вебера, все еще недоступных широкому отечественному читателю.

Интенсификация в России сравнительно-социологических исследований общества и культуры отечественного модерна позволит не просто институционализировать еще один метод для комплексного изучения имперского, советского и постсоветского опыта в глобальном контексте, но и выработать принципиально открытую исследовательскую перспективу, находящуюся на пересечении общесоциологического, специально историко-социологического и других смежных подходов. Освоение современных макросоцио-

логических подходов позволит ввести в российский научный оборот важный сегмент актуального языка социальных описаний. Говоря словами Энтони Гидденса, в рамках двойной герменевтики, предполагающей проникновение продуктов социологической рефлексии в обыденный язык и массовое сознание [Гидденс 2003], достигнутые в области исторической социологии результаты исследований будут способствовать приращению актуального социально-теоретического знания как в российской научной среде, так и в широких кругах общественности, интересующейся проблемами отечественной и мировой истории.

Стоит ли говорить, что решение этих и целого ряда иных методических и содержательных задач возможно лишь посредством институционализации исторической социологии в России в качестве общепризнанной академической дисциплины. Только создание соответствующей научной инфраструктуры в виде специализированных центров компетенций (институтов, кафедр, журналов) позволит перенести фокус с общетеоретической рефлексии над прошлым в практическое русло конкретных историко-социологических исследований конкретных предметных полей и проблемных кейсов.

28

Библиография / References

Айзенштадт Ш. Н. (1992) «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъем духовных сословий. *Ориентация — поиск. Восток в теории и гипотезах: Сборник статей*. М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература»: 42—62.

— Eisenstadt S. N. (1992) The Axial Age: The Emergence of Transcendental Visions and the Rise of Clerics. In: *Orientation — Search. The East in Theory and hypotheses: A Collection of Articles*. Moscow: Nauka; «Vostochnaja literatura»: 42—62. — in Russ.

Андерсон П. (2007) *Переходы от античности к феодализму*. М.: Издательский дом «Территория будущего». EDN: QPHNYZ

— Anderson P. (2007) *Passages from Antiquity to Feudalism*. Moscow: «Territorija budushhego». — in Russ.

Андреев А. Л. (2011) О модернизации образования в России. Историко-социологический анализ. *Социологические исследования*, (9): 111—120. EDN: OGBDTL

— Andreev A. L. (2011) On the Modernization of Education in Russia. Historical and sociological analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (9): 111—120. — in Russ.

Арнасон Й. (2021) *Цивилизационные паттерны и исторические процессы*. М.: Новое литературное обозрение. EDN: OMAUNS

— Arnason J. P. (2021) *Civilizational Patterns and Historical processes*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. — in Russ.

Ахиезер А. С. (1991) *Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России)*. М.: Философское общество СССР.

— Ahiezer A. S. (1991) *Russia: The Critique of Historical Experience (Socio-cultural Dynamics of Russia)*. Moscow: Filosofskoe obshchestvo SSSR. — in Russ.

Богданов А. В. (2012) Социологические идеи П. Я. Чаадаева и современность. *Власть*, (5): 49–52. EDN: OXSZQN

— Bogdanov A. V. (2012) Chaadaev's sociological ideas and modernity. *Vlast [Power]*, (5): 49–52. — in Russ.

Вagner П. (2019) Макс Вебер и модерн в XXI веке. *Социологическое обозрение*, 18(4): 212–230. EDN: TWUADT. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-4-212-230>

— Wagner P. (2019) Max Weber and the Modernity of the XXI Century. *Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]*, 18(4): 212–230. — in Russ. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-4-212-230>

Вебер М. (1990) *Избранные произведения*. М.: Прогресс. EDN: SGUYOR

— Weber M. (1990) *Selected Works*. Moscow: Progress. — in Russ.

Вебер М. (2007) *О России*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007.

— Weber M. (2007) *On Russia*. Moscow: ROSSPEN. — in Russ.

Вебер М. (2020) Отношения аграрной общности к другим отраслям социальной науки. *Социологическое обозрение*, 19(2): 46–75. EDN: ILROWW. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-2-46-75>

— Weber M. (2020) The Relations of Rural Community to Other Branches of Social Science. *Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]*, 19(2): 46–75. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-2-46-75>. — in Russ.

Вишневский А. Г. (2010) *Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР*. 2-е изд. М.: ГУ-ВШЭ. EDN: QPOVWV

— Vishnevskij A. G. (2010) *Sickle and Ruble: The Conservative Modernization in the USSR*. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly jekonomiki. — in Russ.

Гидденс Э. (2003) *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический проект. EDN: QOBZKN

— Giddens A. (2003) *The Constitution of Society*. Moscow: Akademicheskij proekt. — in Russ.

Голдстоун Дж. (2014) *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850*. Пер. с англ. М. Рудакова, И. Кушнareвой. М.: Изд-во Института Гайдара.

— Goldstone J. (2014) *Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. — in Russ.

Дерлугьян Г. (2010) *Адепт Бурдьё на Кавказе. Эскизы к биографии в миротсистемной перспективе*. М.: Издательский дом «Территория будущего». EDN: QPOMRP

— Derlugian G. (2010) *Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography*. Moscow: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego». — in Russ.

Доронин А. В. (отв. сост.) (2008) «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». М.: РОССПЭН. EDN: QCDVFH

— Doronin A. V., ed. (2008) *"Introducing European customs and customs in the European people"*. Moscow: ROSSPEN. — in Russ.

Кареев Н. И. (1996) *Основы русской социологии*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.

— Kareev N. I. (1996) *The Basics of Russian Sociology*. Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbaha. — in Russ.

Козлова Н. Н. (2005) *Советские люди. Сцены из истории*. М.: Европа. EDN: QPBQYH

— Kozlova N. N. (2005) *The Soviet People. Scenes from History*. Moscow: Evropa. — in Russ.

Коллинз Р. (2015) *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. Пер. с англ.

Н. С. Розова. М.: УРСС; ЛЕНАНД. EDN: USHTOX

— Collins R. (2015) *Macrohistory. Essays in the Sociology of the Long Run*. Moscow: URSS; LENAND. — in Russ.

Кром М. М. (2015) *Введение в историческую компаративистику: Учебное пособие*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. EDN: YWOTRW

— Krom M. M. (2015) *An Introduction to Historical Comparative Studies: A Study Guide*. Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. — in Russ.

Манн М. (2014) *Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом*. М.: Изд. дом

30 Высшей школы экономики. EDN: XVNFPF. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1725-3>

— Mann M. (2014) *Power in the 21st Century. Conversations with John A. Hall*. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki. — in Russ. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1725-3>

Манн М. (2020) *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1: История власти от истоков до 1760 г. 2-е изд., испр. и доп.* М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

— Mann M. (2020 [1986]) *The Sources of Social Power. Volume 1: A History from the Beginning to 1760 AD*. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo». — in Russ.

Манн М. (2018) *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760—1914. В 2-х книгах*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. EDN: QSQQOK

— Mann M. (2018 [1993]) *The Sources of Social Power. Volume 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914*. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo». — in Russ.

Манн М. (2018) *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3: Глобальные империи и революция, 1890—1945*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. EDN: PBFCMN

— Mann M. (2018 [2012]) *The Sources of Social Power. Volume 3: Global Empires and Revolution, 1890—1945*. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo». — in Russ.

Манн М. (2018) *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4: Глобализации, 1945—2011*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. EDN: KRHAPJ

— Mann M. (2018 [2013]) *The Sources of Social Power. Volume 4: Globalizations, 1945—2011*. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo». — in Russ.

Манн М. (2019) *Фашисты*. М.: Пятый Рим.

— Mann M. (2019) *The Fascists*. Moscow: Pjatyj Rim. — in Russ.

Манн М. *Темная сторона демократии*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.

— Mann M. (2023) *The Dark Side of Democracy*. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo». — in Russ.

Медушевский А. Н. (1993) *История русской социологии*. М.: Высшая школа. EDN: PYIQDN

— Medushevskij A. N. (1993) *The History of Russian Sociology*. Moscow: Vysshaja shkola. — in Russ.

Миронов Б. Н. (2017) *Историческая социология России*. М.: Издательство ЮРАЙТ. EDN: ZTAVTZ

— Mironov B. N. (2017) *The Historical Sociology of Russia*. Moscow: URAIT. — in Russ.

Мур Б. (2016) *Социальные истоки демократии и диктатуры. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

— Moore B. Jr. (2016 [1966]) *Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki. — in Russ.

Поланьи К. (2018) *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя, 2018.

— Polanyi K. (2018) *The Great Transformation*. Sankt-Petersburg: Aleteija. — in Russ.

31

Попов А. С. (2012) Истоки исторической социологии В. О. Ключевского. *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*, (28): 58—61. EDN: PJEQRN

— Popov A. S. (2012) The Origins of V. O. Klyuchevsky's Historical Sociology. *Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo* [Proceedings of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky]. No. 28: 58—61. — in Russ.

Романовский Н. В. (2003) Историческая социология в России: ретроспектива и горизонты. *Россия и современный мир*, (1): 57—75. EDN: BJIPNX

— Romanovskiy N. V. (2003) Historical Sociology in Russia: a Retrospective and Horizons. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Contemporary World]. No. 1: 57—75. — in Russ.

Романовский В. Н. (2009) *Историческая социология*. М.: Канон+. EDN: REHAPB

— Romanovskiy N. V. (2009) *Historical Sociology*. Moscow: Kanon+. — in Russ.

Семенов-Тянь-Шаньский В. (1915) *О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии*. Петроград: Типография М. М. Стасюлевича.

— Semenov-Tyan-Shan'skij V. (1915) *About the powerful territorial possession in relation to Russia. An essay on political geography*. Petrograd: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. — in Russ.

Скочпол Т. (2017) *Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая*. Пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

— Scocpol T. (2017 [1979]) *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. — in Russ.

Тилли Ч. (2019) *От мобилизации к революции*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

— Tilly Ch. (2019 [1978]) *From Mobilization to Revolution*. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki. — in Russ.

Травин Д. Я. (2021) Почему Россия отстала? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Travin D. Y. (2021) *Why has Russia lagged behind?* Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. — in Russ.

Травин Д. Я. (2023) *Русская ловушка*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Travin D. Y. (2023) *The Russian Trap*. Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. — in Russ.

Шпон В. (2014) Историческая и сравнительная социология в глобальном мире. *Журнал социологии и социальной антропологии*, (2): 55–69. EDN: SIZRSN

— Spohn W. (2014) Historical and Comparative Sociology in a Globalizing World. *Zhurnal sociologii i social'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 17. No. 2: 55–69. — in Russ.

Штомпка П. (1996) *Социология социальных изменений*. М.: Аспект-Пресс.

— Sztompa P. (2016) *The Sociology of Social Change*. Moscow: Aspekt-Press. — in Russ.

Шумпетер Й. (1995) *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.

— Schumpeter Y. A. (1995 [1942]) *Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Jekonomika. — in Russ.

Элиас Н. (2001) О процессе цивилизации. Пер. с нем. А. М. Руткевича. В 2-х т. СПб.; Иерусалим: Университетская книга; Гешарим.

— Elias N. (2001 [1939]) *The Civilizing Process*. In 2 vol. Sankt-Petersburg; Jerusalem: Universitetskaja kniga; Gesharim. — in Russ.

Яницкий О. Н. (2009) Историческая социология: поиск истины. *Социологические исследования*, (6): 142–148. EDN: KHQVVT

— Janickij O. N. (2009) Historical Sociology: The Search of Truth. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (6): 142–148. — in Russ.

Albert G. (2009) Weber-Paradigma. In: Kneer G., Schroer M. (eds) *Handbuch Soziologische Theorien*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften: 517–554.

Arnason J. P. (2002) *The Peripheral Centre: Essays on Japanese History and Civilization*. Melbourne: Trans Pacific Press.

Bendix R. (1974) *Work and Authority in Industry. Ideologies of Management in the Course of Industrialization*. Berkeley: University of California Press.

Bendix R. (1978) *Kings or people: Power and the Mandate to Rule*. Berkeley: University of California Press.

- Bendix R. (1984) *Force, Fate and Freedom: On Historical Sociology*. Berkeley (Los Angeles): University of California Press.
- Breuer S. (1991) *Max Webers Herrschaftssoziologie*. Frankfurt a. M.; N. Y.: Campus.
- Breuer S. (1994) *Bürokratie und Charisma. Zur politischen Soziologie Max Webers*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Breuer S. (2006) *Max Weber tragische Soziologie. Aspekte und Perspektiven*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Breuer S. (2011) *"Herrschaft" in der Soziologie Max Webers*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Collins R. (1986) *Weberian Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eisenstadt S. N. (1963) *The Political System of Empires*. New York: The Free Press of Glencoe.
- Eisenstadt S. N. (2000a) *Die Vielfalt der Moderne*. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft.
- Eisenstadt S. N. (2000b) Multiple Modernities. *Daedalus*. 129(1): 1—29. <https://www.jstor.org/stable/20027613>
- Giddens A. (1985) *The Nation-State and Violence*. Cambridge: Polity Press.
- Hall J. A. (1985) *Powers and Liberties: The Causes and Consequences of the Rise of the West*. Oxford: Basil Blackwell.
- Hübinger G. (2019) *Max Weber. Stationen und Impulse einer intellektuellen Biographie*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Junge M. (2016) Zeitdiagnose als Chance der Soziologie. In: Junge M. (ed.) *Metaphern soziologischer Zeitdiagnosen*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften: 51—60. https://doi.org/10.1007/978-3-658-07080-9_4
- Kalberg S. (1984) *Max Weber's Comparative-Historical Sociology*. Cambridge: Polity Press.
- Knöbl W. (2001) *Spielräume der Modernisierung*. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft.
- Mann M. (1986) *The Sources of Social Power. Volume I: A History from the Beginning to 1760 AD*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mann M. (1988) *States, War and Capitalism. Studies in Political Sociology*. Oxford: Blackwell.
- Mann M. (2003) *Incoherent Empire*. L.: Verso.
- Romanovskiy N. V. (2018) Historical sociology in Russia. *Historická sociologie*, 10 (1): 93—105. <https://doi.org/10.14712/23363525.2018.40>
- Roth G. (1963) *The Social Democrats in Imperial Germany. A Study in Working-Class Isolation and National Integration*. Totowa: Bedminster Press.
- Roth G., Schluchter W. (1979) *Max Weber's Vision of History. Ethics and Methods*. Berkeley: University of California Press.
- Schützeichel R. (2009) Neue Historische Soziologie. In: Kneer G., Schroer M. (eds) *Handbuch Soziologische Theorien*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften: 277—298. https://doi.org/10.1007/978-3-531-91600-2_14
- Spohn W. (2008) *Politics and Religion in a Globalizing World*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.

Volkmann U. (2015) Soziologische Zeitdiagnostik. Eine wissenssoziologische Ortbestimmung. *Soziologie*, 44(2): 139–152.

Weber M. (2016) *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Die protestantischen Sekten und der Geist des Kapitalismus. Schriften 1904–1920*. Hrsg. von. W. Schluchter. Tübingen: Mohr Siebeck. (Max Weber-Gesamtausgabe. Band I/18).

Дмитриев Тимофей Александрович — кандидат философских наук, доцент факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: история политической философии Запада Нового и Новейшего времени, историческая социология модерна, культурно-историческая антропология.

ORCID: 0000-0001-7476-0983. E-mail: tdmitriev@hse.ru

Timofey A. Dmitriev — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Faculty of Humanities, Moscow, Russia. Research interests: history of Western modern and contemporary political thought, historical sociology of modernity, cultural and historical anthropology.

ORCID: 0000-0001-7476-0983. E-mail: tdmitriev@hse.ru

- 34 *Кильдюшов Олег Васильевич* — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, ведущий научный редактор социологической редакции Большой Российской энциклопедии. Научные интересы: теория социального порядка, историческая социология модерна, политическая теология.

ORCID: 0000-0001-9801-1952. E-mail: kildyushov@mail.ru

Oleg V. Kildyushov — research fellow at the Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics. Research interests: theory of social order, historical sociology of modernity, political theology.

ORCID: 0000-0001-9801-1952. E-mail: kildyushov@mail.ru